

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.013-021
УДК 903(35):7.031

Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия
E-mail: zigzinatvk@gmail.com

К вопросу об интерпретации стел культовых комплексов в Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита

В статье на основе анализа с применением междисциплинарного и семиотического подходов дана авторская интерпретация значения вертикально установленных стел/столбов/пилястр культовых комплексов в Северной Месопотамии переходной к неолиту эпохи. Затрагиваются вопросы содержательного наполнения культовых практик, которые осуществлялись переходящими к оседлости коллективами. Как показал анализ, идея продолжения рода/плодородия/процветания относилась к наиболее важным для обществ того места и времени концептам. Монументальные стелы, столбы, пилястры сакральных комплексов в Верхнем Двуречье переходного к неолиту периода, представляя собой зооантропоморфных существ – божеств-покровителей коллективов, их создававших, – в одном из других своих значений, весьма вероятно, утверждали мужскую плодотворную силу. У начинавших практиковать постоянное проживание на конкретных территориях сообществ формировался культ сверхъестественных покровителей, связанных с данной местностью и отдельными группами людей. Почитание предков в этой мировоззренческой системе играло важную роль и было связано с тотемами групп. В символике Северной Месопотамии переходного к неолиту периода зафиксированы характерные для обществ охотников-собирателей тотемические представления. Анализ символических свидетельств показал формирование новых установок в картине мира и социальном устройстве ранних оседлых коллективов. Часть этих нововведений, пережив трансформацию, проявилась в виде устойчивых мотивов в более поздних культурах древневосточных цивилизаций, чему имеются подтверждения в материальных и письменных источниках рассматриваемого региона.

Ключевые слова: эпипалеолит, неолит, Северная Месопотамия, культ плодородия, тотемизм.

T.V. Kornienko

Voronezh State Pedagogical University,
Lenina 86, Voronezh, 394043, Russia
E-mail: zigzinatvk@gmail.com

On the Interpretation of Stelae in the Cult Complexes of Northern Mesopotamia During the Pre-Pottery Neolithic

On the basis of interdisciplinary and semiotic approaches, the paper interprets the meaning of vertical stelae/pillars/pilasters at the cult complexes of Northern Mesopotamia during the transition to the Neolithic. General trends in the content of the rituals practiced at the initial stage of sedentism are described. One of the central ideas was that of procreation/fertility/prosperity. Monumental stelae, pillars, and pilasters of sacral complexes of that time in Upper Mesopotamia, while representing zoo-anthropomorphic divine patrons, might have another meaning, referring to the male procreative force. The shift to sedentism likely contributed to the formation of the cult of deities associated with specific locations and human groups. The ancestor cult was related to the groups' totems, as evidenced by Northern Mesopotamian totemic beliefs typical of the hunting-gathering societies and differing from those practiced by the early farmers. Certain religious innovations, while being transformed, regularly appear in later cultures of the Ancient Near East, and are attested by both the archaeological evidence and written sources.

Keywords: Epipaleolithic, Neolithic, Northern Mesopotamia, fertility cult, totemism.

Введение

Появление архитектуры – одно из важнейших новшеств переходного к неолиту времени*, оказавших влияние на развитие сложных символических систем. В богатой известняком центральной части Плодородного полумесяца, помимо установления традиции застройки жилых пространств, это проявилось в создании специально оформлявшихся для проведения общественных собраний сооружений культового назначения. Выражение новыми средствами (архитектура + изображения) через пространственный символизм формирующейся картины мира у переходивших к оседлости сообществ осуществлялось ими в новых условиях социального взаимодействия [Cauvin, 1994; Watkins, 2006, 2009; и др.]. По заключению большинства исследователей, инновации в осуществлении культовых практик работали на сплочение появлявшихся в этот период долговременных, оседлых, увеличивавшихся в размерах коллективов, а также на регулирование взаимоотношений между отдельными людьми и различными группами, вынужденными теперь решать многие вопросы сообща.

Цель настоящей статьи подробнее рассмотреть отдельные сюжеты в интерпретации стел/столбов/пилястр ряда культовых комплексов в Северной Месопотамии переходного к неолиту времени. На сегодняшний день в этом регионе, главным образом на территории Юго-Восточной Турции, зафиксировано более 600 подобных объектов, в меньшей степени они характерны для соседних областей.

Общий обзор монолитных, зачастую несущих на себе рельефы антропо- и зооморфного содержания, стел в Северной Месопотамии рассматриваемой эпохи представлен в одной из предыдущих работ [Корниенко, 2011]. Там отмечалось, что вертикально установленные плиты/столбы/стелы, которые в центре распространения этой традиции имели Т-образную форму и в ряде случаев могли дублироваться пилястрами, как правило, размещались в особых сооружениях общественного назначения, являясь важными маркерами сакрального пространства. Большинство исследователей трактует данные объекты как антропо- и реже зооморфного вида вместилища духов предков – божеств-покровителей коллективов, им поклонявшихся. Однако широко распространенный символ эпохи докерамического неолита в виде стел, установленных в сакральных зонах и во многих случаях искусно декорированных, мог также нести более сложную смысловую нагрузку.

*Для Северной Месопотамии – это XI–VIII тыс. до н.э. К данной эпохе относятся периоды эппалеолита (XI – начало X тыс. до н.э.) и докерамического неолита [The Neolithic..., 2011, p. 270].

Представляется, что выявление содержательно-го наполнения символических объектов переходной к неолиту эпохи возможно при их комплексном анализе с привлечением естественно-научных данных, стадияльно близких этнографических параллелей, знаний по этологии, семиотике и мифологии, а также, вероятно, с учетом устойчивых во времени архаических мотивов, в т.ч. зафиксированных в ранних письменных источниках рассматриваемого региона.

Анализ материала

Для эппалеолитических и раннеолитических материалов Верхнего Двуречья (рис. 1), в отличие от Леванта, характерно доминирование мужских символов и образов над женскими. Связь данного элемента символической системы с такими ее составляющими, как мотив отделения головы от тела, образы плотоядных, диких и опасных животных, интерпретируется рядом исследователей в контексте отправления культа мертвых [Schmidt, 2006, S. 127, 158–160, 238–240], повышения уровня агрессии и страха среди увеличивавшихся в размерах долговременных коллективов [Benz, Bauer, 2013]. При этом идеи женского воспроизводства и плодородия/плодовитости/изобилия исключаются из основных концептов общественного сознания переходивших к оседлости жителей ранних поселений Северной Месопотамии [Hodder, Meskell, 2011, p. 236]. Контекстные данные палеоантропологии и археологии, тем не менее, не подтверждают версию о том, что агрессия и насилие были широко распространены в эпоху неолита на рассматриваемой территории [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2012; Корниенко, 2015а, с. 95–96]. Также хотелось бы обратить внимание на то, что погребения не являются типичными элементами культовых комплексов общественного назначения.

Важными сакральными объектами культовых комплексов общественного назначения выступают стелы/столбы/пилястры. Во многих случаях эти объекты украшены рельефными или скульптурными антропо- и зооморфными изображениями, иногда представляющими сложные композиции со многими персонажами. Среди них довольно популярны не только хищные животные, но и водоплавающие птицы, рептилии, особенно змеи, образ которых в разные времена и у разных народов воспринимался амбивалентно. По данным археологии, этнографии и фольклора, в архаичных культурах образ змеи связан с водой и землей, женской производящей силой, в широком смысле с плодородием, а также с домашним очагом, огнем, мужским оплодотворяющим началом и мифическим предком, помогающим благополучию семьи, деторождению, т.е. продолжению рода [Иванов, 1991; Иванова, 2009; Бер-Глинка, 2015, 2016].

Рис. 1. Расположение основных памятников позднего эппалеолита и раннего неолита в Северной Месопотамии.

Т-образные «стелы типа Невалы-Чори» открыты на нескольких памятниках пров. Урфа в Юго-Восточной Турции. Впервые они были встречены в общественных культовых строениях Невалы-Чори и определены как антропоморфы по рельефным изображениям анатомически правильно расположенных согнутых в локтях и сложенных на животе рук с пятипалыми кистями, а также по ряду других признаков [Hauptmann, 1993, p. 50–52] (рис. 2, 1). Пол этих антропоморфов долгое время не был понятен. Однако реалистические скульптурные изображения, сопоставимые со «стелами типа Невалы-Чори» по времени, стилю, размерам, материалу и композиционно, в нескольких случаях довольно уверенно демонстрируют мужские образы (рис. 2, 2). Иногда фаллический мотив, рас-

положенный в правильном с анатомической точки зрения поле, на таких стелах передается «метафорически» в виде соответствующей формы набедренных повязок из шкур животных [Dietrich et al., 2012, fig. 7, 8] (рис. 3, 1) или с использованием змеиных образов (рис. 3, 2).

Следующая группа стел – с изображениями нескольких расположенных друг над другом фигур – по аналогии с подобными объектами поклоне-

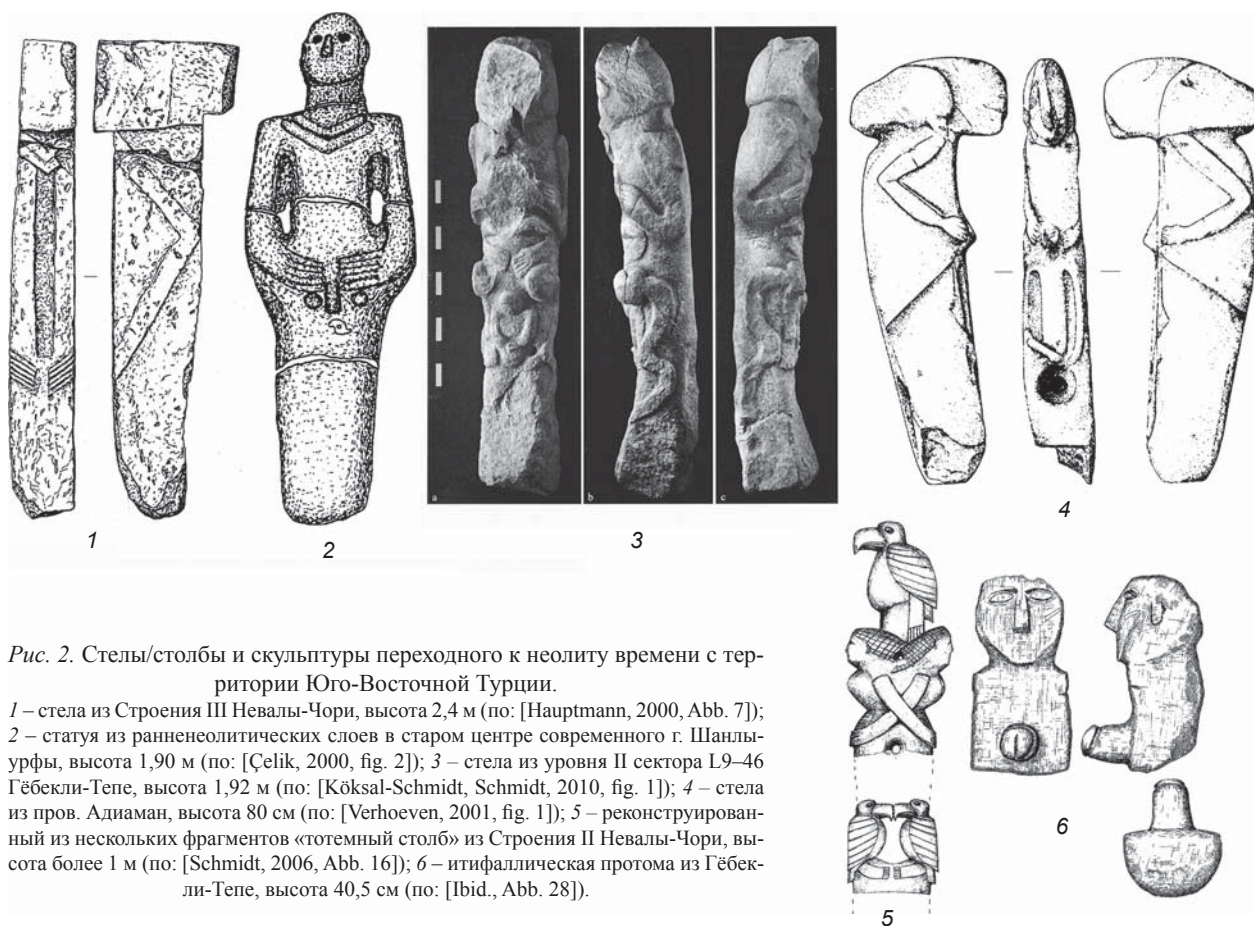

Рис. 2. Стелы/столбы и скульптуры переходного к неолиту времени с территории Юго-Восточной Турции.

1 – стела из Строения III Невалы-Чори, высота 2,4 м (по: [Hauptmann, 2000, Abb. 7]); 2 – статуя из раннеэнеолитических слоев в старом центре современного г. Шанлыурфы, высота 1,90 м (по: [Çelik, 2000, fig. 2]); 3 – стела из уровня II сектора L9–46 Гебекли-Тепе, высота 1,92 м (по: [Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010, fig. 1]); 4 – стела из пров. Адияман, высота 80 см (по: [Verhoeven, 2001, fig. 1]); 5 – реконструированный из нескольких фрагментов «тотемный столб» из Строения II Невалы-Чори, высота более 1 м (по: [Schmidt, 2006, Abb. 16]); 6 – итифаллическая протема из Гебекли-Тепе, высота 40,5 см (по: [Ibid., Abb. 28]).

Рис. 3. Столбы и скульптура из Гёбекли-Тепе.

1 – один из двух центральных столбов в Строении D, высота ок. 5,5 м (по: [Dietrich et al., 2012, fig. 8]); 2 – столб 57 (по: [Dietrich et al., 2014, fig. 7]); 3 – скульптура животного (по: [Hauptmann, 1999, fig. 26]), длина фигуры 68 см (по: [Schmidt, 2006, Abb. 42]); 4 – столб 43 (по: [Schmidt, 2007, Abb. 109]).

ния у американских индейцев изначально получила условное название «тотемные колонны», полагаю, вполне справедливо. Впервые подобный объект, сделанный из известняка, был реконструирован по находкам из культового Строения II (PPNB) Невалы-Чори – фрагментам бюстов существ с человеческими лицами и фигур птиц (см. рис. 2, 5) [Schmidt, 2006, S. 77–79]. К этой же группе относится стела (ранний PPNB) из сектора L9–46 Гёбекли-Тепе (см. рис. 2, 3). В ее изображениях угадываются три (возможно, четыре) фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней, лицевая часть которой уничтожена в древности, по сохранившимся деталям (ушам и глазам) трактуется как голова хищника (медведя/льва/леопарда (?)).

Ниже по бокам идет знакомый по «стелам типа Невалы-Чори» (см. рис. 2, 1) и сопоставимым с ними скульптурам антропоморфов (см. рис. 2, 2) мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипальными кистями, положенными на живот. Между ними выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом. Исследователи памятника отмечают, что мотив дикого зверя, держащего человеческую голову, хорошо известен по нескольким скульптурам из Невалы-Чори и Гёбекли-Тепе [Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010, p. 74]. Вместе с тем сравнительно-типологический анализ стел и скульптурных артефактов Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита показал, что выступ на животе в таких композициях одновременно мог обозначать фаллос верхнего существа [Корниенко, 2011, с. 85]. Под второй фигурой, также с согнутыми в локтях руками, расположены голова и руки третьей, показанные теперь спереди. Руки третьей фигуры сложены на животе, под ними снова виден выступ, ниже которого передняя часть стелы сколота. Ч. Коксал-Шмидт и К. Шмидт замечают, что, похоже, здесь изображен рожаящий персонаж, хотя допустимо и совершенно другое толкование – возможно, он демонстрирует свой фаллос [Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010, p. 74]. Ниже рук двух верхних фигур по бокам колонны рельефно изображены крупные змеи. Они могли обозначать ноги/задние лапы большого существа, представляемого стелой. Вместе с тем образы змей, головы которых выступают в соответствующей зоне (ср. с рис. 3, 2), магически усиливали фертильные способности этого существа. С лицевой стороны мы видим многоуровневую композицию, где каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей и выступает из ее живота/фаллоса.

Похожий сюжет представлен стелой, известной как случайная находка из турецкой провинции Адияман (северо-западнее Гёбекли-Тепе) и датируемой PPNB [Hauptmann, 2000]. Здесь также показана последовательность фигур (см. рис. 2, 4), где лицо нижней человеческой выступает из живота/фаллоса верхней, голова которой может трактоваться как принадлежащая некоему существу, возможно, антропоморфу, но скорее какому-то животному, например, ящерице/варану – рептилии, обитающей в данной местности и неоднократно представленной изображениями Гё-

бекли-Тепе. У нижней фигуры (тело и руки которой анфас могут трактоваться также как фаллос верхней) под сложенными на животе руками сделано углубление, в связи с чем высказывались предположения как о ее гермафродитной природе, так и о возможности использования этого углубления для манипуляций со вставляемым скульптурным фаллосом [Verhoeven, 2001; Hodder, Meskell, 2011, p. 238]. Последняя гипотеза правдоподобна, поскольку выполненные из камня изображения фаллосов известны по эппалеолитическим и раннеолитическим материалам Северной Месопотамии [Schmidt, 2006, S. 158–160]. Многократное воспроизведение на стеле мотива половых органов, при совмещении мужских и женских (мужские преобладают), должно было усиливать магическое значение данного объекта как символа продолжения рода и плодородия в широком смысле.

Весьма вероятно, что повторяющийся на раннеолитических стелах Северной Месопотамии сюжет визуализировал идеи, заключенные позднее в устойчивых ветхозаветных выражениях: «А родил Б (...), Б родил В (...), В родил Г (...)» и т. д.; «выходить/исходить/происходить из/от чресел»*. Похоже, этот сюжет наглядно передает идею родства с преемственностью поколений преимущественно по мужской линии [Корниенко, 2015а, 100–103].

Характерной чертой раннеолитических изображений Северной Месопотамии является наличие среди них большого количества разнообразных представителей фауны, включая быков, птиц, рептилий, паукообразных, а также хищных животных. Известно, что в символике архаичных обществ животные выступают как один из вариантов мифологического кода (наряду с растительным, пищевым, цветовым и т. п.), на основе которого могут составляться целые сообщения, в частности мифы (подробнее см.: [Топоров, 1991]).

В символических объектах Верхнего Двуречья переходного к неолиту времени часто фиксируется совмещение зоо- и антропоморфных образов. Довольно сложно однозначно интерпретировать как человеческие головы навершия стел, в т. ч. «типа Невалы-Чори». В ряде случаев они в большей степени зооморф-

ны (как, например, у двух рассмотренных выше стел (см. рис. 2, 3, 4) или центральных столбов из Строения ЕА 100 Джерф-эль-Ахмара [Stordeur et al., 2001, fig. 11]). Зооморфные головы верхних фигур и выступающие из их животов/фаллосов человеческие на «темных столбах», как и совмещение «метафорой в рельефе» образов фаллоса и животных на ряде других стел (см. рис. 3, 1, 2), вероятно, передают идею родства коллективов, установивших эти столбы, и животных отдельных видов.

В раннеолитических материалах Северной Месопотамии тотемические воззрения, помимо прочего, отразились в «закладах» из человеческих черепов и останков дикого быка (*Bos primigenius*), сделанных при строительстве общественных сооружений особого назначения Джерф-эль-Ахмара* и Телль-Карамеля [Mazurowski, Biatowarczuk, Januszek, 2012, p. 52–56, pl. 14; Gawrońska, Grabarek, Kanjou, 2012], а также Телль-Абра-3 (останки дикого быка) [Yartah, 2016, p. 31, 34–40, 42, fig. 14, 4; 16; 17, 5]; в свидетельствах украшения обрядовых зданий рогами и черепами животных (чаще других это опять дикий бык, но не только) в Халлан-Чеми [Rosenberg, Redding, 2000, p. 45–46, 57], Чайоню [Çambel, 1985, p. 187] и Телль-Абре-3 [Yartah, 2016, p. 38]; скоплениях костей животных (иногда даже композициях из них) на общественных участках, где проходили пиры, в Халлан-Чеми [Rosenberg, 1999, p. 26, 28, fig. 16; Rosenberg, Redding, 2000, p. 58], Чайоню [Çambel, 1985, p. 187], Телль-Абре-3 [Yartah, 2016, p. 34], Гёбекли-Тепе [Dietrich et al., 2012, p. 690]. Показательно с этой точки зрения наличие останков животных в человеческих захоронениях Дома черепов Чайоню [Le Mort et al., 2000, p. 40], в погребениях Кёртык-Тепе, характеризующихся богатым инвентарем и разнообразием осуществлявшихся обрядов [Erdal, 2015, p. 6]; а также выявление захоронений людей и животных в Телль-Карамеле с их плотной концентрацией в границах или вблизи т. н. Святилища [Mazurowski, Biatowarczuk, Januszek, 2012, p. 52; Gawrońska, Grabarek, Kanjou, 2012]. В Гёбекли-Тепе у подножия одного из центральных столбов Сооружения D прямо под рельефно изображенной на нем набедренной повязкой из шкурки животного**, где хвост занимает центральное место, совмещаясь с образом фаллоса персонажа, представляемого стелой (см. рис. 3, 1), обнаружены хвостовые позвонки лисы. Остатки лисьего хвоста исследователи сопоставляют с набедренными

*Бытие 15:4, 35:11, 46:26, 49:10; Исход 1:5; Судьи 8:30; 2 Царей 7:12, 16:11; 3 Царей 8:19; 2 Паралипоменон 6:9, 32:21; Исайя 48:19. Несколько раз встречается и в Новом Завете (Деяния 2:30; Евреям 7:5, 10), т. е. на греческом языке, где относится к явным гебраизмам. В синодальном переводе словом «чресла» передано не одно еврейское слово, а несколько, однако практически во всех случаях присутствует (или подразумевается) один и тот же глагол *uāšāh* – «выходить, исходить». Я глубоко признательна Л.В. Маневичу, филологу-классику и гебраисту, за подробные консультации по данному вопросу.

*В соседнем поселении Мурейбит в неординарном Доме 47 обнаружены останки дикого быка и антропоморфные статуэтки, выступавшие, очевидно, заместителями человека [Stordeur et al., 2001, p. 36–37].

**Рельефные изображения таких набедренных повязок выявлены на обеих центральных стелах Сооружения D [Dietrich et al., 2012, fig. 7, 8].

повязками персонажей, представляемых центральными стелами Сооружения D, предполагая наличие подобных ритуальных костюмов и у собиравшихся в данной постройке людей [Notroff, 2016, p. 7].

Важно, что масштабные и искусные изображения на стелах и пилястрах северомесопотамских культовых сооружений переходной к неолиту эпохи переключаются со знаками, мотивами и композициями, известными по другим многочисленным свидетельствам. Возможность комплексного и контекстного рассмотрения этих источников дает надежду на лучшее понимание зашифрованного в них смысла.

Мотив отделенной от тела головы занимает важное место в данной символической системе, что отмечалось неоднократно. Он проявился как в погребальных практиках, в т.ч. обычае отдельного захоронения или выставления черепов, так и в изображениях. Известно, что культ головы был распространен у разных народов [Медникова, 2004]. В ней, как считали, сосредоточена жизнь и сила человека. При практикующейся в символике замене целого его частью именно голова чаще других образов является воплощением человека. Я поддерживаю точку зрения о том, что манипуляции с черепом/головой [Алёксин, 1994], очищение костей от мягких тканей, дальнейшее их покрытие глиной, охрой и пр. [Erdal, 2015], некоторые другие особенности ритуальных действий с телом и останками человека, характерные для Леванта и Северной Месопотамии переходного к неолиту времени, были связаны с продуцирующими обрядами [Корниенко, 2015б].

Фаллический мотив – еще один важный элемент в системе символов населения Северной Месопотамии переходного к неолиту времени. Монолитные, в т.ч. Т-образные, стелы неся в себе и другие значения, весьма вероятно, являются впечатляющим символическим выражением данного образа. Композиции рассмотренных «тотемных столбов» демонстрируют совмещение фаллосов верхних фигур (из чресел которых выходят/происходят/рождаются нижние) с головами нижних персонажей. Данный изобразительный сюжет, повторяемый неоднократно, явственно показывает сопряжение образов головы, фаллоса, человека и животного в системе символов Северной Месопотамии эпохи перехода к неолиту, очевидно, транслируя тотемические воззрения, идею продолжения рода, связь между ушедшими, настоящими и будущими поколениями, в более широком смысле – связь между смертью и жизнью.

Обсуждение результатов

Представление головы и фаллоса как главных символов, обозначающих человека и зверя, другим способом композиционного построения демонстриру-

ют довольно странного вида скульптуры мужчины (см. рис. 2, б) и животного (см. рис. 3, 3) с эрегированными пенисами. Голова и фаллос у этих переданных условно антропоморфной и зооморфной фигур акцентированы (ср.: [Stordeur, Lebreton, 2008, fig. 1]).

Перечень групп символических объектов, совмещающих образы головы, фаллоса и тотема, очевидно, может быть продолжен каменными скульптурами из Немрика-9 [Kozłowski, 1997] и скульптурными пестиками из Халлан-Чеми (рис. 4). Для последних предполагается их совместное ритуальное использование с искусно выполненными, часто декорированными, каменными чашами [Rosenberg, 1999, p. 28, fig. 3; Rosenberg, Redding, 2000]. В этом же семантическом поле можно прочесть знаменитый сюжет столба 43 из Строения D Гёбекли-Тепе. Столб покрыт рельефным рисунком, состоящим из фигур змей, птиц, скорпионов, других животных и абстрактных символов. В нижней правой части стелы выявлено слегка поврежденное изображение обезглавленного мужчины с эрегированным фаллосом (см. рис. 3, 4). К. Шмидт считает, что отсутствие головы и нахождение члена в возбужденном состоянии говорит о насильственной смерти изображенного человека (явление посмертной эрекции) [Schmidt, 2007, S. 259–264, Fig. 109]. Вероятно, здесь показана картина экстраординарного (реального или мифического?) жертвоприношения [Корниенко, 2015б, с. 46–48], отсылающая к соответствующим сюжетам коллективных представлений о мироустройстве. Отсутствие головы и эрегированный фаллос демонстрируют взаимосвязь смерти и жизни. При этом жизнь, если отвлечься от наших сегодняшних рациональных представлений, как и в случае с другими имеющимися примерами (установление стел, организация коллективных пиров, сложные обряды с головой/черепом, костями человека и животных, ритуальное использование пестиков с чашами, выпрямителей древков и стрел и т.д.), постоянно символически актуализируется.

Выгравированная на каменной чаше из Строения M1b Телль-Абра-3 сцена охоты (рис. 5), где у охотника отсутствует / не выделена голова, однако четко показаны фаллос и копье (в поднятой руке), направленное на животное [Yartah, 2016, p. 31–33, fig. 5, 3], тоже свидетельствует о взаимозаменяемости фаллоса и головы, тесной связи человека и животного, жизни и смерти в данной символической системе, основанной на охотничьих воззрениях, но наполнявшейся уже и новым содержанием.

К. Зюттерлин и И. Эйбл-Эйбисфилдт, рассматривая с позиций этологии и культурной антропологии этнографические и исторические примеры различных во времени и пространстве культурных традиций, обращают внимание на функцию стел как знаков защиты коллективной территории. Подтверждает-

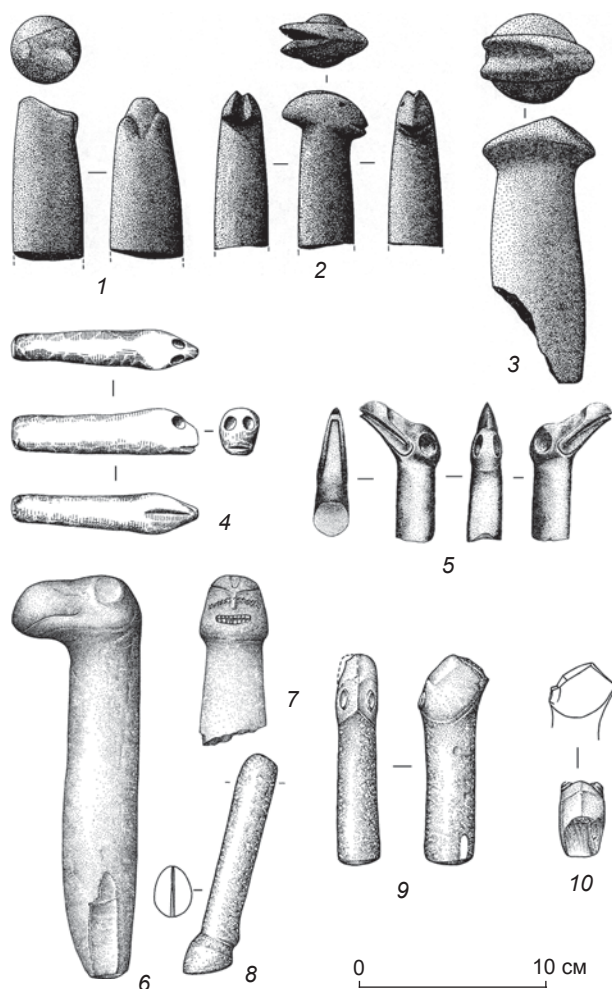

Рис. 4. Каменные пестики из Халлан-Чеми (1–3) (по: [Rosenberg, 1999, fig. 4]) и скульптуры из Немрика-9 (4–10) (по: [Kozłowski, 1997, fig. 1–3]).

ся фаллический символизм таких объектов, их связь с божествами плодородия и довольно часто (в более позднее, чем переходное к неолиту время) нахождение в непосредственной близости от захоронений. Авторы отмечают агрессивный фаллический аспект периферийных, расположенных на границе, в полях и садах антропоморфных стел и фигур. По их наблюдениям, при определенных условиях размещения объектов в пространстве фаллическая демонстрация совмещается с функцией оберега (защиты) [Sütterlin, Eibl-Eibesfeldt, 2013].

Ранее отмечалась фиксируемая начиная с убейдского времени традиция украшения стен шумерских храмов и городов пилястрами, а также установления стел по символическим границам некоторых храмовых помещений. Эти архитектурные элементы выполняли символическую функцию оберегов [Корниенко, 2006, с. 169–171; 2011, с. 92]. В данном контексте вспоминаются также вавилонские кудурру – межевые

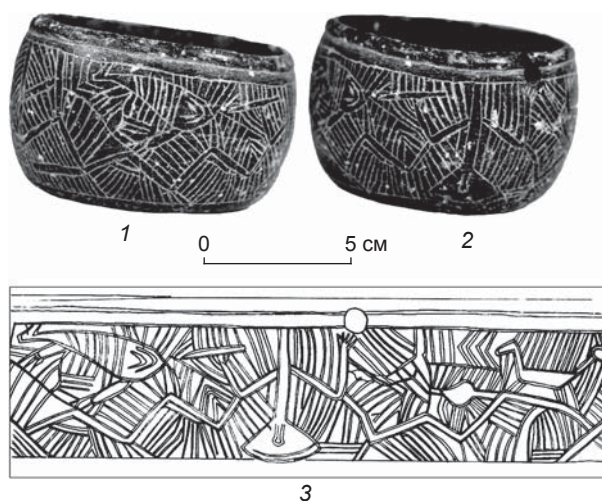

Рис. 5. Хлоритовая чаша с выгравированной сценой охоты из «заклада» символически значимых объектов в очажной яме неординарного Строения M1b Телль-Абра-3 (по: [Yartah, 2013, fig. 173]).

пограничные знаки (kudurru) в виде вертикально установленных камней, на которых, помимо надписей, помещали охранительные символы божеств. Понятие «кудурру» – важный концепт у вавилонян, иногда оно включалось в имя правителя. Существует целый жанр текстов kudurru. Это слово имеет несколько значений: 1) пограничный камень, граница, территория; 2) корзина для переноса земли, кирпичей или деревянный контейнер; 3) сын; есть и другие варианты перевода (подробнее см.: [The Assyrian Dictionary..., 1971, p. 495–497]). Имя Навуходоносор – Nabû-kudurri-ušur, например, можно перевести как: «О бог Набу, укрепи мой пограничный столб/мою страну/храни сына!»*.

Монументальные стелы переходной к неолиту эпохи, несомненно, являлись основными доминирующими элементами в композиции культовых комплексов Северной Месопотамии [Kornienko, 2009]. Они расположены в центре и по периметру внутреннего пространства. Эта характеристика и ряд других говорят о серьезном отличии символической роли данных объектов от значения стел и пилястр шумерского времени, кудурру вавилонян. Тем не менее нельзя исключать, что отголоски ранненеолитической традиции установления стел в сакральных зонах через несколько тысячелетий в какой-то мере могли проявиться в символике охранительных стел и пилястр шумерских храмов и городских стен, а также кудурру вавилонян.

*Происхождение слова kudurru до сих пор не выяснено (от элам. kuter?). Я выражаю глубокую признательность за консультации по данному вопросу И.С. Якубовичу и В.В. Емельянову, специалистам по древним языкам Передней Азии.

Выводы

Как показал проведенный анализ ряда изобразительных мотивов и сюжетов, запечатленных в материальных памятниках Северной Месопотамии переходного к неолиту времени, есть основания полагать, что идея продолжения рода/плодородия/процветания относилась к важным для обществ того места и времени концептам. Эти концепты регулярно актуализировались совместным проведением обрядовых действий и другими проявлениями символического поведения. Вполне вероятно, что монументальные стелы, столбы, пилястры сакральных комплексов Северной Месопотамии переходной к неолиту эпохи в одном из основных своих значений достаточно явственно представляли мужскую производительную силу. Вместе с тем они могли обозначать сверхъестественных зооантропоморфных (двойной природы) покровителей коллективов, создававших эти монументы. Совмещение образов головы, фаллоса, человека и животного представлено разными группами и комплексами символических объектов.

Свидетельства символических систем Северной Месопотамии эпохи эппалеолита и раннего неолита, на мой взгляд, фиксируют не столько доминирование культа мертвых, сколько распространение культа тотемных божеств, связанных с определенной местностью и коллективами, у переходивших к долговременному проживанию на конкретных территориях сообществ охотников и собирателей. Культ предков в этой мировоззренческой системе играл важную роль и осуществлялся в связи с поклонением тотемам групп, а также необходимостью обеспечения продолжения рода и благополучия будущих поколений.

Список литературы

- Алёшкин В.А.** Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства: Проблемы археологии. – 1994. – Вып. 3. – С. 59–78.
- Бер-Глинка А.И.** Домашние змеи как элемент традиционной культуры народов Европы // *Stratum plus*. – 2015. – № 2. – С. 17–83.
- Бер-Глинка А.И.** Змея как сексуальный и брачный партнер человека: (Еще раз о семантике образа змей в фольклорной традиции европейских народов) // Культурные взаимодействия: Динамика и смыслы: сб. ст. в честь 60-летия И.В. Манзуры. – Кишинев: *Stratum*, 2016. – С. 435–575.
- Иванов В.Вс.** Змеи // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 468–471.
- Иванова В.В.** Змея – Джинн – Предок: Анатолийский взгляд на хранителя дома // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 151–160.

Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. – СПб.: Алетей, 2006. – 312 с.

Корниенко Т.В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // *Археол. вестн.* – 2011. – Вып. 17. – С. 70–95.

Корниенко Т.В. Гендерные проявления в символике и изображениях человека на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего неолита // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015а. – № 4. – С. 92–108.

Корниенко Т.В. К вопросу о человеческих жертвоприношениях на территории Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2015б. – Т. 43, № 3. – С. 42–49.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетей, 2004. – 208 с.

Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 440–449.

Benz M., Bauer J. Symbols of power – Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems // *Neo-Lithics*. – 2013. – N 2. – P. 11–24.

Cauvin J. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. – P.: CNRS, 1994. – 304 p.

Çambel H. Çayönü, 1984 // *Anatolian Studies*. – 1985. – Vol. 35. – P. 186–188.

Çelik B. A New Early Neolithic Settlement: Karahan Tepe // *Neo-Lithics*. – 2000. – N 2/3. – P. 4–6.

Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities: New evidence from Göbekli Tepe, south-eastern Turkey // *Antiquity*. – 2012. – Vol. 86. – P. 674–695.

Dietrich O., Köksal-Schmidt Ç., Notroff J., Kürkçüoğlu C., Schmidt K. Göbekli Tepe. Preliminary Report on the 2012 and 2013 Excavation Seasons // *Neo-Lithics*. – 2014. – N 1. – P. 11–17.

Erdal Y.S. Bone or Flesh: Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtik Tepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) // *Europ. J. of Archaeol.* – 2015. – Vol. 18, N 1. – P. 4–32.

Erdal Y.S., Erdal O.D. Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // *Intern. J. of Paleopathol.* – 2012. – Vol. 2. – P. 78–92.

Gawrońska J., Grabarek A., Kanjou Y. Human and animal graves // *Tell Qaramel 1999–2007: Protoneolithic and Early Pre-pottery Neolithic Settlement in Northern Syria*. – Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, 2012. – P. 60–71.

Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // *Between the rivers and over the mountains: Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata*. – Roma: Dipartimento di Scienze storiche, archeologiche e antropologiche dell'Antichità, Univ. di Roma "La Sapienza", 1993. – P. 37–69.

Hauptmann H. The Urfa Region // *Neolithic in Turkey: the cradle of civilizations*. – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1999. – P. 65–86.

Hauptmann H. Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // *Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene*. – Mainz am Rhein: Verl. Ph. von Zabern, 2000. – S. 5–9.

- Hodder I., Meskell L.** A Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry: Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey // *Current Anthropol.* – 2011. – Vol. 52, N 2. – P. 235–263.
- Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K.** The Göbekli Tepe “Totem Pole”: A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics.* – 2010. – N. 1. – P. 74–76.
- Kornienko T.V.** Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *J. of Near Eastern Studies.* – 2009. – Vol. 68, N 2. – P. 81–101.
- Kozłowski S.K.** The gods from Nemrik // *Al-Rāfidān.* – 1997. – N 18. – P. 33–44.
- Le Mort F., Erim-Özdoğan A., Özbek M., Yilmaz Y.** Feu et archéanthropologie au Proche-Orient (épipaléolithique et néolithique). Le lien avec les pratiques funéraires. Données nouvelles de Çayönü (Turquie) // *Paléorient.* – 2000. – Vol. 26, N 2. – P. 37–50.
- Mazurowski R.F., Biatowarczuk M., Januszek K.** Architecture // *Tell Qaramel 1999–2007: Protoneolithic and Early Pre-pottery Neolithic Settlement in Northern Syria.* – Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, 2012. – P. 34–59.
- Notroff J.** “Dances with Cranes” – Animal masquerade in Pre-Pottery Neolithic ritual. – 2016. – URL: <https://tepetelegrams.wordpress.com/2016/11/14/dances-with-cranes-animal-masquerade-in-pre-pottery-neolithic-ritual/> (дата обращения: 10.12.2017 г.).
- Rosenberg M.** Hallan Çemi // *Neolithic in Turkey: the cradle of civilizations.* – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1999. – P. 25–33.
- Rosenberg M., Redding R.W.** Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // *Life in Neolithic Farming Communities: social organization, identity, and differentiation.* – N. Y.: Kluwer Academic Publishers, 2000. – P. 39–61.
- Schmidt K.** Sie bauten die ersten Tempel: Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – München: Verl. C.H. Beck, 2006. – 282 S.
- Schmidt K.** Der Göbekli Tepe – zwei Jahre später: Wichtige Funde der Kampagnen 2005 und 2006 // Schmidt K. Sie bauten die ersten Tempel: Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – 3 Aufl., erw. und aktual. – München: Verl. C.H. Beck, 2007. – S. 259–266.
- Stordeur D., Brenet M., Aprahamian G., der, Roux J.-C.** Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient.* – 2001. – Vol. 26, N 1. – P. 29–44.
- Stordeur D., Lebreton M.** Figurines, pierres à rainures, “petits objets divers” et manches de Mureybet // *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord): En hommage à Jacques Cauvin / ed. J. Ibañez.* – Oxford: Archaeopress-Maison de L’Orient de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2008. – Vol. II. – P. 619–643. – (BAR Intern. Ser.; 1843).
- Sütterlin C., Eibl-Eibesfeldt I.** Human Cultural Defense: Means and Monuments of Ensuring Collective Territory // *Neo-Lithics.* – 2013. – N 2. – P. 42–48.
- The Assyrian Dictionary** of the Oriental Institute of the University of Chicago / ed. A.L. Oppenheim. – Chicago: Oriental Inst. of the Univ. of Chicago, 1971. – Vol. 8. – 617 p.
- The Neolithic** in Turkey: New Excavations & New Research. – Istanbul: Archaeology & Art Publications, 2011. – Vol. 1: The Tigris basin / eds. N. Başgelen, M. Özdoğan, P. Kuniholm. – 271 p.
- Verhoeven M.** Person or Penis? Interpreting a ‘New’ PPNB Anthropomorphic Statue from the Taurus Foothills // *Neo-Lithics.* – 2001. – N 1. – P. 8–9.
- Watkins T.** Architecture and the symbolic construction of new worlds // *Domesticating Space: Construction, Community, and Cosmology in the Late Prehistoric Near East.* – B.: Ex Oriente, 2006. – P. 15–24.
- Watkins T.** Ordering time and space: Creating a cultural world // *Proc. of the 5th Intern. Congr. on the Archaeology of the Ancient Near East.* – Madrid: Univ. Autónoma de Madrid, 2009. – P. 647–659.
- Yartah T.** Vie quotidienne, vie communautaire et symbolique à Tell ‘Abr 3 – Syrie du Nord, données nouvelles et nouvelles réflexions sur l’horizon PPNA au nord du Levant 10 000–9 000 BP: Thèse de doctorat / Université Lyon 2. – Lyon, 2013. – Vol. 2. – 214 p.
- Yartah T.** Typologie de bâtiments communautaires à Tell ‘Abr 3 (PPNA) en Syrie du Nord // *Neo-Lithics.* – 2016. – N 2. – P. 29–49.

*Материал поступил в редколлегию 11.01.18 г.,
в окончательном варианте – 12.03.18 г.*